

Он и Цзян Го были заклятыми врагами. Конфликт их семей перекинулся и на них самих. Вэнь Хаочжэ давно уже не переваривал Цзян Го, но в глубине души он все же немного побаивался его.

До безумия Цзян Го ему было далеко.

В Хуасинь все были наслышаны о нраве Цзян Го, и каждый втайне дрожал от страха перед ним.

Цзян Го казался человеком, потерявшим душу: свободным, необузданным, дерзким.

Вэнь Хаочжэ прекрасно понимал, что ничего хорошего из ссоры с Цзян Го не выйдет. Его взгляд был прикован к Ли Чу, и ему нестерпимо хотелось стереть того в порошок, но, имея такого покровителя, как Цзян Го, все становилось иначе.

В конце концов, Вэнь Хаочжэ, снедаемый досадой, увел своих людей и позорно сбежал из Седьмого класса.

Зрители, наблюдавшие за сценой, не смели даже перешептываться и поспешно разошлись по своим местам.

Ли Чу, стиснув зубы от боли, обхватил себя за живот. Его мучило множество недугов — последствия тяжелого детства.

Кровь на лбу уже давно запеклась, но выступивший холодный пот размочил её, отчего она стала уже не такой ярко-алой.

Ли Чу приткнулся к парте, надеясь хоть немного облегчить страдания, но тело всё равно сотрясала дрожь. С горем пополам он дождался конца занятий.

Когда он попытался подняться, боль лишила его сил, и он безвольно рухнул обратно на стул. Видимо, движение вновь потревожило живот, и на лице Ли Чу отразилось мучение.

Ему не оставалось ничего, кроме как снова лечь на парту. Время шло, минута за минутой. Он боялся, что если вернется слишком поздно, приемная мать начнет волноваться.

Ли Чу был чувствителен к звукам. Лежа на парте, он слышал чьи-то шаги и, не раздумывая, когда шаги приблизились, быстро протянул руку и схватил кого-то за горячее запястье.

Ли Чу не стал поднимать головы, чтобы посмотреть, кто это, и, уткнувшись лицом в парту, слабым, дрожащим голосом произнес:

— Прошу тебя, отведи меня в медпункт.

Сразу после этих слов Ли Чу потерял сознание от боли, и его разум начал меркнуть.

Когда его пальцы бессознательно разжались, их снова крепко перехватили, а затем подхватили тело Ли Чу, увлекая его на чью-то спину.

В полузабытьи Ли Чу почувствовал носом жар чужой кожи и ощутил тонкий аромат — такой же приятный, комфортный и теплый, как свежесть летнего дня.

Ли Чу, жадно припав к этому запаху, едва заметно коснулся кончиком носа горячей кожи, словно пытаясь впитать в себя этот удивительный аромат.

Когда запах заполнил легкие, болезненно сжатое лицо Ли Чу немного разгладилось, а уголки губ довольно дрогнули.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем желанный аромат сменился легким запахом лекарств. Ли Чу медленно открыл глаза.

Не успел он прийти в себя, как до его слуха донесся тревожный голос Цзян Наня:

— Ли Чу, как ты себя чувствуешь?

Цзян Нань проходил мимо медпункта и увидел, как Ли Чу, опираясь на дверной косяк, медленно сползает вниз. Его лицо было мертвенно-бледным и изможденным, губы посинели, а тело стало таким обмякшим, что рука, за которую он держался, казалась легкой и пустой, словно сахарная вата.

Ли Чу обессиленно и едва заметно покачал головой.

Глядя на него, Цзян Нань вспомнил, что сказал школьный врач: тело Ли Чу было настолько повреждено во многих местах, что обычный человек давно бы не выдержал. И это лишь малая часть того, что удалось обнаружить.

Были ли у него более серьезные травмы — требовалось дополнительное обследование.

Но, судя по всему, ситуация была не менее, а то и более плачевной.

Цзян Нань стоял рядом, не зная, что сказать. Его глаза наполнились слезами, и, сжимая запястье Ли Чу, он проговорил дрожащим, почти плачущим голосом:

— Ли Чу, давай я отвезу тебя на полное обследование, хорошо?

Ли Чу смотрел в потолок безжизненным взглядом. Его вид был болезненным, губы побелели, и даже взмах ресниц давался ему с огромным трудом. Она выдержала паузу, а затем, запинаясь, произнесла по слогам, не выказывая при этом никаких эмоций:

— Учитель Цзян, который сейчас час?

Цзян Нань на мгновение опешила от вопроса Ли Чу, но все же ответила:

— Шесть часов.

Ли Чу смотрел в потолок, погруженный в глубокие раздумья. Медленно пошевелив рукой, он одним резким движением выдернул иглу капельницы из тыльной стороны ладони.

— Ли Чу, что ты делаешь? Ты что, жить не хочешь?

Действия Ли Чу, в которых не было ни капли колебаний, взволновали стоявшую рядом Цзян Нань. Она быстро шагнула вперед, пытаясь остановить его, но опоздала: игла была уже вынута, и из ранки на руке тут же хлынула кровь.

Она лилась, словно ее невозможно было остановить.

Цзян Нань в тревоге потянулась к стоящему рядом столику, чтобы взять средства для остановки кровотечения. Пока она искала нужное, Ли Чу, преодолевая слабость, медленно пошевелился, пытаясь обрести равновесие.

Не дожидаясь, пока Цзян Нань что-то принесет, Ли Чу опередил ее и, обращаясь к ее спине, произнес:

— Учитель Цзян, спасибо вам. Думаю, мне пора домой.

Видя упрямство Ли Чу, Цзян Нань хотела что-то добавить, но промолчала, лишь в конце проговорив:

— Ли Чу, пожалуйста, будь осторожен.

Глядя на тяжелую походку Ли Чу, Цзян Нань едва сдерживала слезы. У нее не было больших возможностей, она помогала Ли Чу как могла. Они были похожи — оба оказались в ловушке, просто она перешла из одной беды в другую. Она ненавидела себя за то, что вынуждена беспомощно наблюдать, как человек, до которого она могла дотянуться рукой, шаг за шагом погружается в бездну.

Глядя на хрупкую спину Ли Чу, Цзян Нань искренне произнесла:

— Ли Чу, учитель надеется, что ты будешь в безопасности и останешься здоров.

В ушах Ли Чу завыв ветер. Порывы были такими ледяными и сильными, что казалось, будто они могут сбить его с ног. Ли Чу ускорил шаг: он не хотел, чтобы приемная мать волновалась из-за его позднего возвращения.

Добравшись до дома, он не увидел приемную мать и в мгновение ока охватил страх. Он в панике принялся обыскивать комнаты, пока не нашел ее: она сидела на полу, пытаясь остановить кровь, текущую из носа. Ли Чу быстро бросился к ней:

— Мама...

Увидев взволнованное лицо Ли Чу и то, как его губы беззвучно сложились в слово мама, она была потрясена. Ее зрачки расширились от неверия, она напрочь забыла о кровотечении из носа. Все ее внимание было приковано к этому слову. За все время это был первый раз, когда она увидела, как Ли Чу губами зовет ее мамой. Она знала, что Ли Чу с детства был ранимым и всегда избегал слов мама и папа. Она понимала его — это был узел в его душе, который никак не удавалось развязать. Она лишь не ожидала, что он когда-нибудь произнесет это вслух.

Глаза приемной матери наполнились слезами, она взволнованно замахала руками, пытаясь что-то сказать в ответ. Она была похожа на радостного ребенка — Ли Чу и сам хотел бы, чтобы она была как ребенок, беззаботная и счастливая.

Сяо Чу вернулся! Ты, должно быть, проголодался? Я сейчас разогрею еду! — жестами показывала она, совсем забыв о крови, и изо всех сил попыталась встать.

Увидев это, Ли Чу быстро подскочил к ней, подхватил под руки и испуганно проговорил:

— Не двигайся, у тебя все еще идет кровь.

Приемная мать посмотрела на его шевелящиеся губы, поняла, о чем он говорит, и, озарив лицо улыбкой, показала жестами: «Со мной все в порядке».

Закончив помогать приемной матери остановить кровь, Ли Чу жестами убедил ее лечь спать — он боялся, что она заметит его раны и начнет волноваться. Поддерживая ее, Ли Чу смотрел на ее лицо, которое с каждым днем становилось все более изможденным, и на душе у него было горько.

<http://bllate.org/book/22343/2340958>